

р о м а н ы

Юлии Туриной

Юлия Турина

СЕСТРЫ

можно обмануть весь мир,
но не свою сестру

Москва
2021

УДК 821.161.1-31
ББК 82(2Рос=Рус)6-44
Г95

Дизайн обложки *Рагуй Фахрутдинов*

В оформлении обложки использована фотография:
© M-Apidon / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Издательство благодарит *Нину Суслину*
за помощь в приобретении прав.

Гурина, Юлия.

Г95 Сестры : [роман] / Юлия Гурина. — Москва :
Эксмо, 2021. — 256 с.

ISBN 978-5-04-116185-9

В романе «Сестры» Юлия Гурина со свойственным ее прозе пристальным вниманием к душевным переживаниям описывает жизнь двух сестер. Старшая — благополучная домохозяйка, мечтающая о втором ребенке. Она твердо знает, как все в жизни устроено, как должно быть и что нужно делать. Младшая — одинокая, замкнутая в себе, неуверенная — ни на что не претендует, ведь с детства к ней относились как к слабой и зависимой. Нелепая случайность перечеркивает их прежнюю жизнь и вскрывает неприглядные семейные тайны. Привычный мир сестер рушится, все переворачивается с ног на голову, но после множества трудностей сестры наконец понимают, что их сила в семье, в том, чтобы поддерживать друг друга и решать проблемы сообща.

УДК 821.161.1-31
ББК 82(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116185-9

© Гурина Ю., текст, 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

Пролог

Пройдет полгода, год, пройдут долгих три года, и вся жизнь тоже пройдет. А Катя снова и снова будет вспоминать тот день. Никому не нужные подробности, никому не нужных котят. Возможно, ей даже покажется, что все это про нее — что сама она ненужная подробность и ненужный котенок, который жметя к порогу холодного опустевшего дачного дома.

Это был очень длинный день. В обед Катя рванула на дачу к свекрам. Свекры закрыли дачу на зиму, но сообщили, что по участкам бродят бесхозные котята. Кошка куда-то делась, может, дачники забрали. Свекры взять котят не могут, потому что мебель и запах. Возиться с ними нет сил, но жалко, замерзнут-сдохнут. Они знали, кому это рассказать: Катя же Робин Гуд, Мать Тереза и Дон Кихот. Катя — дед Мазай. Вот она и рванула.

Осенью дороги скользкие, жирные. Небо норовит упасть на голову. И приходится жить, всего этого не замечая. Вянут цветы в палисадниках, гниют опавшие листья. Старики печально идут на почту и гадают, сколько еще раз они успеют получить пен-

сию — двадцать или меньше. На даче появляются промокшие котята, больше похожие на крыс. А что с ними делать? В поселке остается жить только бывший зэк Витя, который питается водкой. В приступе пьяной щедрости он иногда плещет котятам водку в миску и дает кусок дешевой вареной колбасы или хлеба.

Котята жмутся к вашим ногам, мяукают, потому что Витя спит второй день и жрать им нечего. Кошка окотилась еще в июне, прятала котят в заброшенном страшном деревенском доме — там, где никто не мог их найти, чтобы утопить. Всем было не до котят, кошка попрошайничала и получала еду от разных дачников. А дом страшный, потому что уже лет двадцать на него никто не претендовал. Некрашенный коричневый сруб, покосившийся и сгнивший снизу, крыша просела, покрыта мхом. Если заглянуть в окно, то видно, что посреди комнаты стоит гроб — упал с чердака. В этих местах принято было делать гробы заблаговременно и хранить на чердаке, пока не понадобятся. Этот слишком долго ждал своего часа. Потолок от ветхости и сырости проломился, и гроб упал. Так и стоит, никому не нужный. Хозяин дома, видать, давно покоится совсем в другом гробу, а этот брошен, предан забвению. Возможно, как раз в нем и родились котята.

И вы тащите домой этих котят, чертыхаясь. В коробке из-под чего-то — на даче всегда полно коробок. Котята от ужаса притихли. Вы прете их домой, ненавидя осень, размножение, себя. Свое мягкое сердце и эту тупую жалостливость. Ненавидите чертову деревню и то, что вместе с дождями

осени и без того нерадужный мир пропитывается страданием все глубже и глубже, а справедливости становится все меньше и меньше. Будто ее смывает дождями. Или люди по какой-то нечестной причине вдыхают справедливость, а выдыхают углекислый газ. И если не ты, то котята замерзнут, небо упадет или случится что-нибудь еще похуже. Кто, если не ты?

Катя везла котят в машине. Мысли мрачнели. Внутри крепло чувство гнева — праведного, справедливого, прожигающего, сильного. Кто, если не она? Ведь так было всегда, сколько она себя помнит. В школе староста, в институте тоже староста, активист, заводила. Организовывала сбор вещей для бедных, возила студентов к ветеранам. Собирала подписи под петициями. Активная гражданская позиция, ё-моё. Родительский комитет в саду и после в школе тоже лежал на ее плечах. И чат совета дома — опять ее же рук дело. Катя почувствовала, что начала заводиться, вскипать. Тут еще эти котики, чтоб их. Но бросить невозможно. Совершенно невозможно. Сколько еще ей придется тянуть на себе? Когда уже можно будет расслабиться? Почему никого рядом нет сильнее, чтобы можно было все это переложить на другие, более приспособленные для этого плечи? Но все почему-то считали, что самые приспособленные плечи — ее, а свои берегли.

Куда же пристроить этих чертовых котят? Первая мысль была отвезти к родителям в их загородный дом. Родители решили зимовать не в городе, прикармливали бы котят. Катя набирала и набирала

номера отца, матери. Не отвечают. Она вспоминала, как сильно это бесило ее. Она высказала, что думает про их молчание, выбирая самые хлесткие выражения. Высказала своему рулю, осенней дороге и притихшим от ужаса, жмущимся друг к другу в коробке полосатым комочкам.

Телефоны продолжали молчать, но волноваться не было сил — все силы ушли на злость.

Позвонили Кате ближе к ночи.

Блины и кисель

Стол уже накрыт. В центре — блины. С тетей Леной еще долго спорили, на дрожжах или без дрожжей. Какое это имеет значение?! Тетя считала, что только на дрожжах. Кисель и кутья. Хотя тетя Лена говорила, что всегда обходились без кутьи, но священник подчеркнул, что именно кутья — основное блюдо.

Отварную курицу на южный манер. Бульон с лапшой тоже по традиции.

Долго не могли решить, куда ставить рюмки с водкой или с водой: за общий стол или отдельно. Даже ругались. Сестра Маша отмахивалась, говорила, что ей все равно, где рюмки. Дядья были за то, чтобы на общий стол, а какая-то женщина с высокой прической, будто приехавшая на машине времени из восьмидесятых, говорила, что рюмки должны быть обязательно у кровати.

Маша завесила зеркала, и ее силы на этом закончились. Она сидела в кресле, замотавшись в серый плед, и делала вид, что она сова. Или ваза с изображением совы. Худой измученной совы. Катя злобно поглядывала на сестру, но никак не могла придумать, чем ее занять. Женщины хлопотали на кухне, носили на стол угощения. Мужчины куч-

ковались по возрасту, часто выходили курить. За окном шел дождь со снегом. С курток в коридоре капало.

Все случилось так неожиданно. И так быстро надо было принять столько решений. Все свалилось на дочерей. Маша сразу же замкнулась в себе, и Кате снова пришлось разгрести дела. Документы, родственники, коллеги по работе, друзья семьи. Хорошо, что тетя Лена помогла.

Маша сидела в полузабытии и пыталась вспомнить, было ли у нее хоть какое-то предчувствие — знаки, сны. Что-нибудь, любое предзнаменование. Нельзя же вот так, без предупреждения совсем.

— Пригласи всех за стол, — старшая сестра сказала строго, холодно, вложив в слова презрение и превосходство.

Маша развернула кокон из пледа. Вытянула тонкие ватные ноги, вставила их в тапки.

— Пожалуйста, садитесь за стол, — Маша повторяла фразу, обращая ее скорее в воздух, нежели конкретным гостям. Вышла на лестницу к лифту и повторила на лестнице. Гости молча шли рассаживаться. Окно у мусоропровода было приоткрыто. Курильщики не хотели выходить на улицу и делали свои курительные дела тут, стряхивая пепел в банку из-под оливок, а дым по возможности выпуская в форточку. Маша глядела в окно стеклянными глазами. На край рамы сел голубь, и вдруг Маше показалось, что это не простой голубь. Она гадала, кто он. Мама или отец? Голубь таращил пустые глаза и распушал перья, чтобы они побыстрее просохли. «Наверное, отец», — подумала Маша.

— Нужно сесть через одного — мужчина рядом с женщиной.

— Зачем еще это?

— Так положено.

Гости рассаживались, стараясь сделать как положено, но женщин было больше. Где-то алгоритм нарушался. Вернулась Маша.

— Ну, помянем, господа... — сказал Виталий Николаевич.

Мужчинам налили крепкое. Женщины в основном решились на кисель. Все встали и помолчали с минуту.

Кате хотелось плакать, но слезы не лились. Ей даже было стыдно за себя немного, что слезы не льются. Глаза оставались сухими, а внутри была ровная спокойная пустота. И больше ничего.

Маша сидела за столом как привидение. Осунувшееся лицо. Взгляд в стол.

— Я давний друг и коллега Андрея Петровича, мы были близко знакомы с его супругой Мариной Львовной, — продолжил Виталий Николаевич после минуты молчания. — Это были искренние, добрые люди. Когда я узнал, что они погибли, я весь день не мог ни о чем думать. Внезапная кончина этой замечательной пары омрачила наши жизни несмываемой скорбью. Жизнь Андрея и Марины оборвалась внезапно, быстро и, как нам кажется, несвоевременно. Сколько всего они не успели еще сделать. Они были полны сил. Мы с Андреем работали над новым грантом, Андрей был чрезвычайно увлечен. Марина же была в полном расцвете сил.

Виталий Николаевич сделал паузу. Глаза его стали красными.

— Когда так внезапно уходят близкие, очень сложно подобрать слова. Если человек веровал в Бога, то ему в эти моменты проще опереться на веру и думать о Царствии Небесном, в которое непременно попадут усопшие. Но как быть людям, все верование которых объясняется физическими и биологическими законами? Нам остается скорбеть и вопрошать о справедливости. Была ли смерть Марины и Андрея глупой ошибкой судьбы, которая случайно забрала не тех? Простите меня. Я говорю неправильные, наверное, вещи. Мне до сих пор сложно поверить в случившееся. Вчера мне казалось, что Андрей был в своем кабинете, говорил по телефону. Я жду, что он похлопает меня по плечу, вот-вот обгонит меня в коридоре. Вы знаете, у него была очень быстрая походка. Он как будто бежал все время... В общем, вечная память, и земля пусть будет им пухом.

Виталий Николаевич быстро опустошил рюмку и сел.

Гости начали накладывать еду, передавали кисель, селедку, откусывали блины.

Все это казалось Маше абсурдным. Ее родители умерли, а вместо них пришла толпа непонятных людей, которые сидят за длинным столом и едят. Жуют, хвалят еду. Что может быть менее подходящим, чем эта замена? Она представила, как заворачивает все угощения в скатерть и выбрасывает с балкона.

— Уходите, — сказала Маша. Тихо, так, что это услышали только ее уши.

— А где портрет усопших? — спросил кто-то из гостей.

— Маша, где портреты? — строго переспросила Катя.

Маша взглянула на нее мутными потухшими глазами.

— Я забыла подготовить. Сейчас принесу.

— Ничего страшного, — кто-то попытался сгладить угол беседы, — их лица и без портрета остаются в нашей памяти.

Маша принесла фотографию. Родители молодые в лесу, на прогулке в Гаграх. Стоят, улыбаются. Счастливые. Кто-то протянул ей тут же черную ленточку, и Маша попыталась привязать ее на уголок фотографии. Ленточка падала, сползала, не хотела держаться, будто сами родители никак не хотели принять свой новый статус.

— Внутри рамки поставь, давай я помогу, — тетя Лена взяла фото пухлыми руками и начала расковыривать рамку.

Гости наблюдали. Потом суматошно решали, куда поставить портрет. На стол к блинам? Нет, не годится. На стену? Некуда. И поставили на пианино. Хорошо, что пианино нашлось. Вот и пригодилось оно наконец-то.

— Пожалуйста, Елена Львовна, скажите слово о наших любимых и безвременно ушедших, — Виталий Николаевич принял на себя роль ведущего поминок. После своей речи он пришел в более сбалансированное расположение духа.

Тетя Лена поднялась с места.

— Я никогда не забуду этот день. Утром мне позвонила Катя и сказала, что Мариночку не спасли. Она боролась всю ночь за жизнь. Но травмы очень тяжелые. И жизнь ее оборвалась. Можно сказать, они умерли с Андреем практически в один день. Вы знаете, вот в сказках говорят, что

умереть в один день — это признак счастливой семейной жизни. Мне кажется, нам надо думать, что это так. Марина была замечательным, светлым человеком. Она умела любить. Она любила Андрея, своих дочек, любила наших с ней родителей. Она светила изнутри. Я думаю, что она превратилась в свет, в ангела. Им теперь уже не страшно. Им хорошо. Они вместе с Андреем. А нам надо жить дальше и самим стать чуть добрее, чтобы они глядели на нас с неба и радовались. Мариночка, как же я теперь без тебя-то?

Тетя Лена вдруг начала выть. Вышла на кухню. За ней прошаркал какой-то старик. Гости замолчали. Сидели так длинную-предлинную минуту.

— Катерина, вы как старшая дочь... Прошу вас... Можете что-нибудь сказать? — Виталий Николаевич выглядел ужасно нелепо. И говорил нелепо. И вообще его присутствие тут тоже было нелепым. Нелепым, как сама жизнь.

— У меня есть что сказать, конечно, — голос Кати звучал холодно, уверенно, жестко, — есть что сказать. Мои родители были мирные люди. Они жили, не нарушая законов. Платили налоги, воспитали нас, отдавались работе, они учили, спасали жизни. Они были очень хорошими гражданами своей страны. Они служили своему государству. А что они получили в ответ? Государство их убило! Потому что, к сожалению, не все такие добросовестные, как мои мама и папа. В нашей стране полно халтурщиков и тунеядцев.

Виталий Николаевич коснулся Катиной руки, жестом пытаясь утешить и остановить, но Катя отдернула руку, кисель выплеснулся из стакана.

— И я не буду молчать. Я не сдамся. Я сделаю все, чтобы виновные понесли наказание за свою халатность и безалаберность. И это не жажда мести. Это жажда справедливости. И несмотря на то что меня в этом не поддерживает ни родная сестра, ни муж... — Маша оставила эту реплику без ответа, даже телом не шелохнулась, а Олег вытянулся в струну, набрал в легкие воздух, чтобы возразить, но Катя говорила все громче и быстрее: — Я буду бороться за справедливость! Мои родители не должны были умереть так быстро! Но так получилось, что у них оказалось слишком много убийц. Я обещаю, что не остановлюсь, пока не найду каждого. Аминь!

Катя сделала несколько больших глотков киселя. И вышла из-за стола.

Тишина застолья сменилась на шепот.

— Это же был несчастный случай, разве нет?

— Какие убийцы?

— Бедная девочка... Такое горе. Но держится стойко.

А Катя стояла на кухне, глядела в окно. В окне качались на ветру облезлые деревья. Рама у окна тоже какая-то облезлая, деревянная. На холодильнике сидел холщовый домовой с пластмассовыми глазами и соломенными волосами — подарок мамы. У Кати такой же дома.

— Кать, ну не заводись ты так при гостях, — услышала она голос мужа.

Он подошел и обнял ее — такой огромный медведь. Навалился на нее своим рыхлым, булькающим телом, и она почувствовала, что вот-вот задохнется. Не в прямом смысле — в переносном. Рядом с ним она была будто бы под водой.